

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ВЕСТИНИК

Газета для тех, кто любит наш край и хочет знать его историю

Приложение к газете "Вперед", № 24, сентябрь 1996 года

К 300-летию русского флота

Художник, изобретатель, моряк...

"Стол этот, полный тайн, обладал магической притягательной силой. В девяти ящиках хранилась память о былых морских приключениях. Правый верхний ящик был особенно интересным. Морской кортик огня, привезенный им из дальнего плавания (с таким ножом можно было ходить на крокодилов), лежал рядом с компасом. Диск компаса танцевально трепетал в наших руках. Старинная предельская печатка с гербом около маленьких корабликов, которые еще в своем детстве отец отливал из свинца. Костяной рог, вырезанный из спинки маленькой акулы-катрана, соседствовал с ярко-красным, запятым синим сурочком и черной тушкой с золотыми иероглифами. Конечно, нас привлекали и блестящие корочки английской акварели, колоритные тончайшие кисти и красиво отточенные желтые карандаши с золотыми "Н" и "В". Но трогать их нам было строго запрещено. В тумбах отнюдь стола хранились старые журналы и морские альбомы с цветными литографиями. Под некоторыми картинками кораблей деловским почерком было написано: "Погреб в Цусимском бою". Эта надпись часто встречалась в альбоме. Отец рассказывал нам о русско-японской войне, о Порт-Артуре, о Цусимской трагедии, о крейсере "Варяг", и мы с затеянным волнением рассматривали в старом морском справочнике фотографию раненого члена

рекрутного красавца-крейсера". Так начинается рассказ И. В. Голицына "Отцовский стол". А был его отец - Владимир Михайлович Голицын (1901 - 1943) - и моряком, и художником, и изобретателем... изобретателем детских игр. И еще он был наделен талантами рассказчика и юмориста.

Уже в 19 лет В. М. Голицын стал сотрудником плавучего морского института в г. Полярном, в 20 лет участвовал в экспедиции на Новую Землю на лодке "Малигин", в 21 год - в строительстве в Архангельске первого отечественного научно-исследовательского судна "Персей". Долгие годы ходил этот перенес нашего океанографического флота в далекие плавания под флагом, придуманным В. М. Голицыным - синим флагом с семью главными звездами созвездия Персей.

И большинство книжек, проиллюстрированных Владимиром Михайловичем, - про море. И самые интересные из изобретенных им игр - морские: "Пираты", "Колумбы", "Флотская игра", "Морская викторина", "Юнга", "Половная лодка"... И среди деревянных рисунков шкатулок, за которые В. М. Голицын получил на Парижской выставке 1925 года золотую медаль, много на морскую тему: загружают ко-

рабли, тащат в него ящики, мешки, громадные матросы, лезают по мачтам матросы, а вот - попал корабль в бурю, там строят корабль, а тут - белье в море полешут... Веселые, яркие картинки, напоминающие русский лубок. А еще он рисовал плакаты, картинки для спичечных коробков, делал модели игрушек, создавал целую серию замечательно смешных рисунков к охотничьим рассказам мужа своей тетки В. С. Трубенского, печатавшегося под псевдонимом В. Ветов. Рассказы эти Трубенский писал, живя в Сергиевом Посаде, в конце 1920-х годов. А семья Голицыных в течение ряда лет жила на даче рядом - в Глинкове. С 1931 года Голицыны, поселившиеся в Дмитрове, В. М. Голицын работал в Дмитровском краеведческом музее, писал записки с картинками об интересных людях Дмитрова - "Дмитровские чудaki", создавал панораму Дмитрова.

22 октября 1941 года, когда немцы подошли к Дмитрову, художника арестовали. Из Москвы этапом колонну "бышши" отправи-

В. М. Голицын. Фото 20-х годов.

ли в Свяжск Татарской АССР. Он беспокоился о судьбе семьи - дома осталась жена с тремя детьми. Только через год удалось узнать, что семья уцелела, и наладить переписку:

"Дорогие мои! Наконец дочка получила открытку... Вы, мои близкие, все живы и здоровы и выгляди без меня... Живу в исправительнo-трудовой колонии. Былшем старинном монастыре в г. Свяжске... Я очень, видимо, переменялся, все здесь меня зовут дедушкой..." Ему был тогда только 41 год!

"Живу сегодняшним днем - ни о чем думать не могу. Мозги засохли. Память ослабела. Тут я стал старчески... Пайки хлеба старые (как и во всех лагерях) часто бьются доловсками, которые прикалывают основой палочкой... Нижняя корка иногда бывает горькая. Я ее скребу в кружку и лью немного воды. За

ночь получается настой. Утром наливаю в него кипяток, и получается восхитительный напиток вроде кофе..."

Он умер в Свяжском лагере в 1943 году. А было ему 42 года. Умер от пеллагры - болезни, вызванной голодом.

Когда я смотрю на портреты Елены Петровны Голицыной (они представлены на выставке "Князь Трубенские в нашем крае"), то вспоминаю строки из письма В. М. Голицына, написанного в Свяжске: "Ларюшка, рисуй больше! Попробуй портреты. Для меня мамá нарисуй!" "Ларюшка" - Илларион Владимирович Голицын, заслуженный художник России, член-корреспондент Российской Академии художеств. Через много лет выполнил он просьбу отца.

Другой сын В. М. Голицына - Михаил Владимирович - стал доктором геолого-минералогических наук, профессором, академиком Академии естественных наук РФ, а дочь - Елена Владимировна, в замужестве Трубенская - архитектором-реставратором. Летом она с мужем живет в селе Озерском на берегу района, занимается реставрацией Никольской церкви в этом селе. А в стене старинного Свяжского монастыря вделаны два известняковых камня с датами жизни Владимира Михайловича Голицына и Софии Владимировны Олсуфьевой, его родственницы. Умер он у нее на руках.

И еще в Архангельске, там, где строился "Персей", откуда ходил он по северным морям, в память В. М. Голицына, моряка и художника, установлена памятная доска. Сделал ее наш замечательный путешественник Федор Коныхов.

Т. СМЕРНОВА.

Краеведческий календарь знаменательных и памятных дат

Сергей Николаевич ДУРЫЛИН (1886 - 1954)

27 сентября исполняется 110 лет со дня рождения С. Н. Дурьлина - просветителя, искусствоведа, доктора филологии. Дурьлин был близко знаком с Павлом Флоренским, Василием Розановым, Константином Леонтьевым, Михаилом Нестеровым. Он первым оценил поэзию Бориса Пастернака. Это он передал меня из музыки литературы" - писал Пастернак.

А в 1919 году Дурьлин переселился из Москвы в Сергиев Посад. Работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, занимался описанием лаврских реликвий XVII века. В это же время он принял решение стать священником. Его намерение осуществилось в 1920 году. Но через два года его арестовали. Другая, в том числе архитектор А. В. Шувеев хлопотали за него. Лунаварский писал, что сможет помочь епископ Дурьлин откажется от сана священника. Он вынужден был пойти на это. А дальше ссылка, краткий перерыв и вторая ссылка, тяжёлая болезнь... С 1936 года он живет в Болшеве, занимается историей театра. Его дом называли "Болшевский Абрамцевский". Сейчас в нем организован музей С. Н. Дурьлина.

Мы предлагаем читателям маленький отрывок из записок Дурьлина, изданных в 1991 году под общим названием "В своем углу".

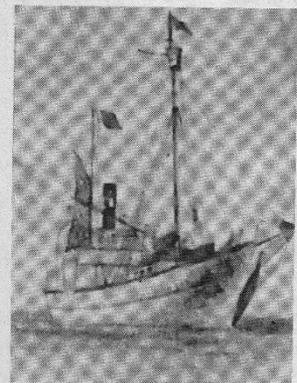
В СВОЕМ УГЛУ

Звон - самое великодушное, что есть в православии. Я полюбил Звона, который, слушая звон, сказал однажды:

Вот все, что осталось мне от религии.

Это немало, это очень много.

В Страстную неделю и на Пасху было приятно и сладко слышать звон. Он являлся отсюда, откуда же дождь, снег, град, откуда же, где ветер и облака с восток. В церкви: все - тени, холодные, чуждые, действия - все от человека - от видимого человека - и порой скудно и бедно это "человеческое", творящее "божеское" так немудро, так бездарно! А звон - он с восток. Не видишь, откуда он. Не видишь никаких рук, ног, голов около него. Он несется над городом, как звуковое облако, белое, легкое и вольное. Он всегда и только - с восток и о восток. До него так же "не достать", как до туч, до беззвучных облаков. Он - над зданиями, над улицами, над городом, над полями, над полями рек, он - над человеком. Это вольное облако, согласное с лазурью неба и лучами солнца, с восток и восток восток - прекрасное облако. Только из него падает на землю - не капли дождя и не белые хлопья снега, а звуки - только звуки...

"Персей", 1922 год. Рисунок

Вид села Глинково, 1927 год.

(Окончание.
Начало на стр. 4)

Убажанивая едой я зарепама. Очунался, когда мы стояли на выезде из деревни Данилково. Родители и соседи, увидевших нас, пошли к крестьян молча смотрели я ту сторону, где попольало зарево пожара. Горело Ивашково, одно из самых крупных имений в округе.

— Полагали, — проронил кто-то из мужиков. — То ли барский дом, то ли скотный двор горит, а болтали, будто туда казачок прислали.

Зарево не уменьшалось. Мы двинулись дальше. Родители молчали. Переходил большую дорогу — шоссе, мимоаили деревню Дубну, Конокново, там все спали. За Брыковыми Горками, где было братское имение, как-то по помещику с иностранной фамилией, кажется Грех, нас встретила казачий разъезд. Узнав, куда мы едем, старший сказал небрежно: "Как бы мне просохать, поезжай на Москву сблизис с расписания".

Поезд, однако, пришел вовремя. Мы прохитисли с отцом и благополучно сели в вагон. Но в Митиных всех пассажиров высладили на платформу: мы могли и мерзли под морским мехом не меньше трех часов. Тут наш детский лексикон пополнился еще одним новым словом: "Забастовка".

Подходили к поезду, из них тоже высказывали лозунг, но составы не устроили, а кондукторы только заперли двери вагонов и вместе с другими железнодорожными служащими куда-то исчезли. Наконец раздался громкий прощальный гудок, все испугались, что будет дальше? Но дальше открылись двери вагонов и измученные пассажиры услышали команду садиться.

В Москве нам попался сповоохотливый извозчик: все время, оборачиваясь к козел к маме, чтобы расскзати ей про "черную сотню", которая избивает студентов и евреев, он благополучно доставил нас на Левинье поле в родственную нам семью Вендрихов.

Через несколько дней мы перебрались в Пугоничин переулок, неподалеку от них, там дядя Саша присмотрел для нас, как обещал, квартиру, "не ахти какую, но пока поживете". Сестер взяли из пансиона, брата — тоже, и скоро в этой непривычно маленькой после арванского дома квартире зажила жизнь. Я, правда, чувствовала себя здесь немного заброшенной и все приставала к маме, а когда поехали домой? Она машинально отвечала: когда установится зима, и будет санний путь, на каньку.

Я, конечно, ничего не понимала из того, что говорили взрослые, но их напряженное настроение передавалось и мне. Уроками занимался только один брат, тогда еще подросток. Старшие сестры, к маминему огорчению, забросили всякие науки. Они с энтузиазмом распеваили "Вихри враждебные" и были очень довольны, когда в институте им объявили, что занятия временно прекращаются по причине несложной положения в городе.

Все время заходил к нам дядя Саша. Иногда появлялся его денщик с запиской к маме: "Никогда не выпускай сегодня девочек". А как было их удерживать? Они уверяли, что пойдут только к маме к Вендриховым, (классная дама была прозори-

ва! — двое из них действительно принимали непосредственное участие в революционных событиях), а сами поровали вместе с ними попасть на студенческую школу, дхнуть революционной атмосфере.

Когда приехала дядя Саша, они надели на него со всяким распасания, и мама не раз предупреждала их: "Не наседайте вы на него, не допытывайтесь ничего, ну что он вам может сказать?!" Дядя Саша в таких случаях больше отмалчивался, напевая свою "Та-ра-ра-бум-бю", но однажды сказал им: "Не приставайте, девочки, и так тошно!"

Через несколько дней он пришел вечером. В столовой за главным столом сидела мама и брат, остальные уже отпили и ушли к себе. Я лежала в постели, но еще не засыпала, дверь из моей комнаты а столовую была приоткрыта. Слышу, как дядя Саша обратился к брату:

— Ну, Вася, бери бумагу, будем писать диктант.

Брат, видимо, был смущен и не очень доволен, но протестовать не посмел.

— Пиши, пиши! — и дядя Саша начал.

Остро секирой Ранаена Береза,

По коре серебряной Покатились слезы.

— Написал? Пиши дальше: Ты не плачь, береза, Белая, не стелуй,

Рана не смертельна, Вылечисья к лету.

Он читал медленно, полуплача, глаза мои все больше слипались и на этом куплете я заснула.

Что было дальше, знаю только от других. Дядя Саша сидел у мамы очень долго. Ушел спать брат. Приходили девочки, подогревали самовар и тоже ушли спать, подумав, что дядя Саша хочет поговорить о чем-то с мамой наедине.

Он был очень грустен, молча пил чай, что-то его явно тяготило, но мама, которую он очень любил, так и не смогла вызвать его на откровенный разговор.

Около часу ночи она пыталась уговорить его остаться почитать. Он ответил: "Что ты мне надо завтра с раннего утра быть в казармах", ждал, долго прощаясь в переднюю, все никак не мог уйти. Наконец, еще взяв папачу и, не надевая ее, вышел.

Мама легла, но заснуть не могла. Часа в два ночи раздался резкий нетерпеливый звонок в колокольчик. Все сразу вбежали в переднюю. В дверь вошли денщик дядя Саши и сквозь рыдания отработовали: "Александр Иванович застрелился!"

Он вышел от нас и сел на извозчика, хотя жил совсем близко. Извозчик видел: он поднялся на крыльцо, позвонил, и не успел денщик отворить дверь, как раздался выстрел... Выстрел был в висок, наповал.

В этот день уже утром, через несколько часов, по приказу командира Перновского полка, полученному накануне, он должен был идти со своей ротой на Пресню усмирять разбеге востание.

Декабрь, 1971 г.

Из сборника "Чеховна в Чехов в культуре XX века", Москва, 1993 г.

Материал подготовлен Т. БУДНИКОВОЙ.

Осенью прошлого года в нашем городе вновь вспыхнула звезда А. С. Горюховского — педагога, лектора, публициста. Вспыхнула публикациями в газетах, вечерами памяти, наконец, присвоенном имени Горюховского библиотеке ЗОМЗа, с которой его связывала долгая творческая дружба.

Горюховский появился в нашем городе в середине 50-х годов. Скромный учитель литературы кинотеатрикума (с его приходом это сугубо техническое учебное заведение в шутку стали называть литературным техникумом с легким кинотехническим уклоном) буквально взорвал город своими лек-

Он мерил о школе радости

Я познакомился с И. Б. Мачеретом, когда учился в Загорском учительском институте. Бывший офицер с одесскими планками, строгий, прямой и статный вел у нас военное дело. Он во внеурочное время был открыт каждому студенту, много рассказывал о войне. Товарищи-фронтовики вспоминали о его исключительной, иногда даже безрасудной храбрости. То он организовал соревнование в горючки под огнем противника, то ходил в разведку, то лихо действовал в боях под Берлином. Но война кончилась. Фронтовики стали строже приглядывать друг к другу: кого война ожесточила, кого развратила, а кого увлекла мародерством. Тут капитан Мачерет и влетел поспешно полковнику. Убоялись "битого" полковника, но уловили и капитана.

Он любил армию и трауно привлек к гражданской жизни. Сначала преподавал военное дело, географию, а потом его назначили директором школы. Вот тогда с ним и подружился.

Илья столкнулся с равнодушием и бездельем отдельных учителей. Он начал яростно бороться с педагогической серостью, угодничеством и доносами. Школа потянула тогда от бесконечных директив, приказов, ноту в бумажных потоках отчетности. Создавалась система "самовластья над школьно-крепостным населением страны и родителями, разделяющими бесправную участь своих детей". То школу заставляли создавать мастерские, то выращивать кроликов, то производить торфоперегонные горючки. Целая армия контролеров душила самостоятельность учителей, выкабывала их за любые отклонения от принятой программы или методики обучения. Илья говорил мне: "Директор школы должен быть придурком: если он круглый дурак, то замучает в школе всех министерской бухгалтерией, а если будет школу оберегать, то вылетит в два счета".

Был он директором школы рабочей молодежи. Скоро школа стала лучшей. В учительской появились таблички: "Корень учения горек — если ученик скажет". "Причина ухама с урока бывает в самом уроке!". "Как часто мы любим контролировать, то чему еще не научили". "Утопающий учитель хватается за двойку". И. Б. Мачерет объединил коллектив единомышленников и создал бодрую и творческую атмосферу в школе. Мы все тряслись от страха, когда в школе проверяли "всесоуб",

а у него в школе объявление: "Если ты не взял учебники и тетради, то промни школу не беспокоить". Ученился и учителя ШРМ № 3 объединялись в дружную семью, а юмор скрывал трудности послевоенной школы. В учительской лежал рукописный журнал с дружескими шаржами и стихами, а в коридоре висела газета цитат из школьных сочинений. "Татьяна так любила природу, что часто бегала на двор" или "Парижская коммуна отменила разницу между мужской и женской". Помню, как с меня требовали "тетрадь поэтического родительства, особенно трудных семей". Я пожаловался Илье. А он мне и говорит: "А ты не ходи по семьям с дурными вестями. Береги честь учителя! Можно зайти в семью, чтобы поздравить с успехами детей, чтобы вручить похвальный лист, а то там на тебя скоро собак начнут спускать с цепи".

Сейчас много говорят о "школах радости", о "школах сотрудничества". И. Б. Мачерет еще в 50-е годы создавал такую школу. Требовательность ко всем у него была высокая, учился ребята здорово. Он хотел отдать всю власть в школе педагогу, чтобы открыть школу для свободного посещения родителями и общественности города, хотел превратить экзамены в "праздники знания". Илья ратовал за диалог на уроке, за уроки-дискуссии и уроки-спектакли.

Часто встречался с ним, я поражался его интеллекту, всесторонним знаниям и пожеланию привлек к его иронии и афоризмам. То он цитировал академика Бехтерева, то попарно рассказывал о поэте и философе Владимире Соловьеве.

Сейчас говорят о серьезном преподавании филологии отсбегими "не кружковой отсбегими", а универсальной национальной И. Бердьева, А. Лосева, В. Соловьева, П. Флоренского. А Мачерет говорил об этом в 60-х годах! Он считал, что каждый ученик должен сам искать истину, а не прятаться за заборы из цитат классиков марксизма-ленинизма. Илья был противником ранней специализации в школе. Знания быстро стареют, говорил он, поэтому нужно учить ребят мыслить, развивать творческую интуицию, воспитывать дух свободного исследования, тогда, после окончания школы, они легко освоют профессию. Историю и литературу он считал главными предметами для воспитания личности, для духовного развития, а искусство — воротами нации, основой эмоционального развития. И.

циями о писателях и поэтах, яркими публикациями в газетах и журналах, дискуссиями и диспутами... Зал, где он выступал, всегда был переполнен. Люди всех возрастов шли "на Горюховский".

Горюховский умер в расцвете творческих сил 8 лет назад. Прошло несколько лет и его друзья напомнили жителям города о времени Горюховского, о творческом взлете 60-х.

Тогда, в 60-е годы, вокруг Горюховского объединялись люди незарядные и яркие. Среди них и герой публикуемого ниже материала И. Б. Мачерет.

А вдруг эти допросы будут поступать в Москву?

И. Б. Мачерет ушел. Никто перед ним не извинился за оскорбление его чести и достоинства. Но в защиту выступила "Литературная газета", посвятившая целую страницу ему. Статья называлась "За что Иван Грозный сына убил?". Заступился за Илью московские писатели. Эдуард Успенский рассказывал о нем по Центральному телевидению. Тогда Загорский горком КПСС за отставку за нарушение городского покоя и самовольства решил нашего учителя исключить из партии, что и кривило ему путь в школу навсегда. И. Б. Мачерет, хотя и стучался в разные высокие инстанции, но пробить стену равнодушия не смог. В книге А. Бека "Новое назначение" утверждается, что такая "ошибка", такой стресс приводит к тяжелому и неизлечимому заболеванию. Друзья поддерживали его, убедили его заняться литературным творчеством. В журнале "Москва" появились "на его бани, напечатан был очерк "Проповедь отца Смарага", а в загорской газете "Вперед" он вел сатирический раздел "Скоморох". "Песня о грозном отряде" победила на юбилейном конкурсе. А сколько статей он написал по краеведению! Сколько поступало от него разложивши по возвращению улицам прежних названий.

Но истрадальная любовь к школе подталкивала его зловорое. Он таял прямо на глазах, не хотел лечиться, оперироваться, жить. Ведь его, как щенку, выкинули из жизни, а тут еще бытовое антиинстинктив, пресловутая "5 статья".

Панихида была в школе рабочей молодежи. В траурном цвете он лежал какой-то умнротворенный и строгий. Рядом на подушечках лежали его многочисленные боевые награды. Заведующая горюго Г. И. Журавлева, выступавшие сказали много хороших и теплых слов, которых ему так не хватало в жизни. На поминках прочитали его "Заветные друзьям", чтобы они не произносили траурных речей, вспомнили о нем что-нибудь смешное, пели песни Булата Окуджавы. А когда расходились, то каждый брал кружочек колбасы, чтобы покорить бродячую собаку. Так Илья прощался с "братями меньшими".

Начался новый учебный год в школах города. Возвращаясь к памяти своего товарища и друга, я вижу, что большинство учителей не вполне. Ушло безвременье. Сейчас много экспериментировать, но учителю очень трудно, потому что он получает нищенскую зарплату. Школа лишена по-прежнему доверия и участия. Не все выдерживают: появились такие, которые считают, что за такую зарплату лучше вообще не работать, появились авантюристы, готовые загружать детские головы еще неустановившимся теориями. Но большинство учителей старается в полную силу, хотя сохраняет их только "сознание собственного долга". Вот и кто и хочется поддержать рассказом о герое и мученике просветления И. Б. Мачерете. Хотелось бы, чтобы его труды были напечатаны.

Ю. БАЙКОВСКИЙ.

Семейство Вахмистровых у своего дома в Арханке.

"ЖИВАЯ" ВОДА

Краеведческие материалы, опубликованные в "Хотковском вестнике".

(Продолжение. Начало см.: "Вперед", № 123 - 124, за 24 августа 1996 года)

15. Е. Анисеев. Горбуновка. (Энциклопедия "Радонех"). "Хотковский вестник", № 5, 13 декабря 1991 года.

История села, храма и фарфорового завода, принадлежавшего Алексею Гавриловичу Попову.

16. Лев Дьяконович, Юрий Хмелевской. (Галерея "Хотковский вестник"). "Хотковский вестник", № 6, 20 декабря 1991 г.

Очерк о хотковском скульпторе Юрии Хмелевском, долгое время преподававшем в Абрамцевском художественно-промышленном колледже им. В. М. Васнецова.

17. Е. Тимохов. Было такое ремесло: краснодеревник (дедовская наука). "Хотковский вестник", № 6, 20 декабря 1991 г.

Об истории современного состояния художественных промыслов Хоткова и окрестных деревень.

18. Ю. Кашин. Мамонтов и художники абрамцевского кружка. К 150-летию со дня рождения С. И. Мамонтова. (Энциклопедия "Радонех"). "Хотковский вестник", № 6, 20 декабря 1991 г.

Очерк о русских Мамонтовых и о семье художников прошлого века, бывавших и гостивших в Абрамцево.

19. Е. Андреев. Покровский девичий монастырь был и будет. Амни! Патриарх Московский и всея Руси Алексий II посетил Хотково и сказал о том, что девичий монастырь здесь будет восстановлен. (Уездная хроника). "Хотковский вестник", № 6, 20 декабря 1991 г.

20. Б. Подмазов. О тех, чья правда вынесена из огня. "Хотковский вестник", № 6, 20 декабря 1991 г.

Заметка об участниках битвы под Москвой зимой 1941 года - жителях города Хотково.

21. Ю. Кашин. Мамонтов и художники абрамцевского кружка. К 150-летию со дня рождения С. И. Мамонтова. (Энциклопедия "Радонех"). "Хотковский вестник", № 7, 27 декабря 1991 г.

Продолжение очерка о семье Мамонтовых и русских художников XIX века, гостивших в Абрамцево.

22. Е. Анисеев. Майюлка завед. Дунаева. "Хотковский вестник", № 7, 27 декабря 1991 г.

Заметка о terra-cottовом и фарфоровом заводе Сергея Григорьевича Дунаева, работавшем на территории города Хотково в конце XIX - начале XX века. Первая публикация архивных фотографий.

23. Е. Андреев. Господа художники объединяются в товарищество. (Уездная хроника). "Хотковский вестник", № 7, 27 декабря 1991 г.

О желании художников города объединиться для совместной работы по обустройству храмов как Хоткова, так и России.

24. На церковную службу со своими дравами. (Из письма церковного Совета Алексеевского вестника в село Горбуново, генеральному директору АО "Электронизолит" В. И. Лебедеву). "Хотковский вестник", № 7, 27 декабря 1991 г.

Письмо прихожан и церковного Совета Алексеевского храма генеральному директору АО "Электронизолит" В. И. Лебедеву с просьбой помочь в восстановлении одного из красивейших храмов Подмосковья.

Выставка "Трубеужки в нашем крае"

ИЛЛАРИОН ВЛАДИМИРОВИЧ ГОЛИЦЫН

Голицын. Аэропорт.

Илларион Владимирович Голицын родился в 1928 году в Москве. Учился в В. А. Фаворского и в Московском высшем художественно-промышленном училище. Творил живопись, скульптуру. Член-корреспондент Российской Академии Художеств. Работы находятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, музеях Новгорода, Саратова, Перми, Тель-Авива, Национальной библиотеке в Париже, в университете г. Тампа (США), частных коллекциях в России и за границей (Франция, Италия, Германия и др.).

И. В. Голицын происходит из древнего княжеского рода Голицыных - потомков Великого князя Литовского Голицына.

На протяжении всего фамилии Голицыных и Трубеужких роились. В XX веке княжна Елизавета Владимировна Голицына вышла замуж за Владимира Сергеевича Трубеужко.

Репрессии сталинского времени не обошли стороной род Голицыных. Сергей Михайлович Голицын приходит в "Ленинские ученические" скорбный список погибших в эту пору ближайших родственников. Но даже на этом фоне выделяется трагедия семьи В. С. Трубеужко: гибель отца, матери, двух детей, чек, гоим заключения двух сыновей. На картине Голицына "Трубеужки" мы видим групповой портрет членов этой семьи на фоне Троице-Сергиевой Лавры. Их образы рытмы, видны, как сквозь слезы. Лишь жестоко выделены подписи: "эзк", "воин" да даты смерти.

Сходный прием создания картин-воспоминаний мы встречаем и в "Красных комнатах". Прегрда между прошлым и настоящим становится зыбкой. Осветленные старинные портреты, и призраки предков сходят со стен. Но и ныне живущие тоже преобразуются в воспоминания. Возникает ощущение и бренности, скоротечности всего сущего, и вечности, непрерывности хода жизни.

Проявляется генетическая память. Восстанавливается связь времем...

Сходный прием создания картин-воспоминаний мы встречаем и в "Красных комнатах". Прегрда между прошлым и настоящим становится зыбкой. Осветленные старинные портреты, и призраки предков сходят со стен. Но и ныне живущие тоже преобразуются в воспоминания. Возникает ощущение и бренности, скоротечности всего сущего, и вечности, непрерывности хода жизни.

Проявляется генетическая память. Восстанавливается связь времем...

Сходный прием создания картин-воспоминаний мы встречаем и в "Красных комнатах". Прегрда между прошлым и настоящим становится зыбкой. Осветленные старинные портреты, и призраки предков сходят со стен. Но и ныне живущие тоже преобразуются в воспоминания. Возникает ощущение и бренности, скоротечности всего сущего, и вечности, непрерывности хода жизни.

Проявляется генетическая память. Восстанавливается связь времем...

Сходный прием создания картин-воспоминаний мы встречаем и в "Красных комнатах". Прегрда между прошлым и настоящим становится зыбкой. Осветленные старинные портреты, и призраки предков сходят со стен. Но и ныне живущие тоже преобразуются в воспоминания. Возникает ощущение и бренности, скоротечности всего сущего, и вечности, непрерывности хода жизни.

Проявляется генетическая память. Восстанавливается связь времем...

Сходный прием создания картин-воспоминаний мы встречаем и в "Красных комнатах". Прегрда между прошлым и настоящим становится зыбкой. Осветленные старинные портреты, и призраки предков сходят со стен. Но и ныне живущие тоже преобразуются в воспоминания. Возникает ощущение и бренности, скоротечности всего сущего, и вечности, непрерывности хода жизни.

Проявляется генетическая память. Восстанавливается связь времем...

Сходный прием создания картин-воспоминаний мы встречаем и в "Красных комнатах". Прегрда между прошлым и настоящим становится зыбкой. Осветленные старинные портреты, и призраки предков сходят со стен. Но и ныне живущие тоже преобразуются в воспоминания. Возникает ощущение и бренности, скоротечности всего сущего, и вечности, непрерывности хода жизни.

Проявляется генетическая память. Восстанавливается связь времем...

Сходный прием создания картин-воспоминаний мы встречаем и в "Красных комнатах". Прегрда между прошлым и настоящим становится зыбкой. Осветленные старинные портреты, и призраки предков сходят со стен. Но и ныне живущие тоже преобразуются в воспоминания. Возникает ощущение и бренности, скоротечности всего сущего, и вечности, непрерывности хода жизни.

Проявляется генетическая память. Восстанавливается связь времем...

Сходный прием создания картин-воспоминаний мы встречаем и в "Красных комнатах". Прегрда между прошлым и настоящим становится зыбкой. Осветленные старинные портреты, и призраки предков сходят со стен. Но и ныне живущие тоже преобразуются в воспоминания. Возникает ощущение и бренности, скоротечности всего сущего, и вечности, непрерывности хода жизни.

открыта в выставочном зале "Конный двор" с 10 до 16 часов. Последний день ее работы - воскресенье, 29 сентября. Выданные автором и партнерами выставки представлены, наряду с другими экспонатами, живописные работы, скульптура, инсталляция заслуженного художника России И. В. Голицына.

11 сентября в выставочном зале "Конный двор" И. В. Голицын встретился с сергиево-подосадским художниками.

"Я должен написать картину "про Трубеужки" - эта мысль буравила мне мозг, - сказал И. В. Голицын художникам. - Но как? Может быть, это был сон, может, я его придумаю, но я стал komponовать группу с Лаврой, мкомом и домниками. - здесь когда-то жили Трубеужки. Эта картина незаметно как-то "выросла" у меня на глазах, и я ее даже возил в Америку, где очень заинтересовались ее "эзковской" темой, спрашивали, что означат круги и два около фигур. Я, как мог, объяснял."

Художник говорил о родственной связи и творческой дружбе семьи Голицыных и семьи Трубеужких, о замечательных женщинах в этих семьях. Это и Елена Петровна Голицына - мать художника - ее портреты висят на выставке, и Елизавета Владимировна Трубеужка, урожденная Голицына - святая, мученица. Стоит она в центре группы в картине "Трубеужки" с ребенком на руках. А Елена Владимировна Трубеужка, урожденная Голицына - два раза она сидела в лагерях к мужу, осужденному на 10 лет вскоре после их свадьбы. Рисковала, может быть, жизнью и уж во всяком случае - свободой."

И, конечно, И. В. Голицын говорил о своем отце - художнике В. М. Голицыне. Оказалось, что он был не только художником, но и писателем. Чтение уморительного его рассказа "Трусюк" (про помесь кролика и кошки) без конца прерывалось взрывами хохота в зале.

Аплодисментами встретили присутствовавшие стихи Иллариона Владимиро-

Наброски к картине "Трубеужки".

ровича - то смешные, то философски глубокомысленные. Поистине - талантливый человек талантлив во всем.

На встрече выступили И. Т. Сандырев, Д. Д. Жилинский, А. Ф. Туркин и другие художники.

T. ВАСИЛЬЕВА.

лап - а они были уже сейчас непомерно велики, превле- щая большая род пса в будущее, звучал барабанным ударом. Разбуженный на четвертый день такой жизни, я стал нашивать палочки, чтобы проводить мучителя во двор. Но они оказались в другом конце комнаты.

"Простите!" - грозно спросил я щенка.

Он прервал попытки ста-

глянуть глазками: так с друзьями не поступают. Оказавшись, Топ, провалившись, продолжил под снегом туннель около десяти метров. Пришлось положить его брюхо себе на шею, закинув лапы на плечи, передние с одной стороны, задние - с другой. С этим приятным воротником я и продолжил прогулку.

Охотиться было некогда,

ни на всякий случай я купил малакайберку. Выбравшись, вышел на двор опробовать. Можно было воспользоваться в качестве мишени клочком бумаги, но я сразу выстрелил в воздух. Ску- чавший на крыльце Топ прервался с места, через несколько секунд белаяга воро- бей лежал у моих ног. Но следом я учил пса ничему подобному!

"Школьный биолог, выслушав мое утверждение о том, что способность собаки взаимодействовать на охоте с человеком может быть врожденной, поинтересовался моей школьной оценкой по биологии. Я ответил: упомянутой оценки точно не было. Назвал провалившиеся авторитеты - большой изряд для учителя. Биолог спросил, не опираюсь ли я при обучении правописанию на последственную память учащихся?"

История с поробком не шла из головы. Память в беззастыжных нутхх посреди по- селька больше не хотелось - меня могли неверно понять. Поить в воскресенье в тайгу мешал драмкружок. При вы- стрессе в воробья Топ был строг. Вообще при еде он не жалничал, ел обстоятельно, поглядывая на присутствующих. На поедании так раздался с ним трапезу? Эта собака никогда не была голодной, как собака. Псы часто закигивают еду впрок. Не привыкли ли они мени за та- ким? И, чепуха... Но ведь собаки кормят не только щенков, а и подруг, вообще себе подобных. Тут я вспом-

нило собаке Сильве, которая в Отегенустином разрысала своего малолетнего хозяина, умиравшего в коншлатере, и принесла ему кости с кусками мяса.

Пустота между досками и фанерой порождала не только барабанный гул, но давала уютное жестокое чувство мостоживой мыши. Мы с Топом встали с ним упорно, но малоэффективную

тально косила: к чему эти шутки, хозяин? Дальше - больше. У меня дошли руки дать Топу лежанку собаке образованию. Он усвоил яря команд, а тоже чистый и "анор". Но уже без всякой команды прыгнулся доставать мне все, что по его зоркому наблюдению оказывалось не на месте: отбегившего от кастрюли щадка, выкатившего из мешка картофелину, упавший карандаш... Я вовремя сообразил, особо поощрять его за это не следует во избежание постоянной баран- холки у своих ног. Ограничи- вался словами "вы очно ле- бозны, но, право, не стоит беспокоиться" и поглажива- нием. Бескорыстному псу больше ничего не требовалось. Веселые якутята про- являли Топу завхозом. Это от- личивал их, боясь, что это дойдя до ушей лагуного, но то же самое симметрично школьного завхоза. А некто Кеша, человек с туманным прошлым, латвийский школь- ную крышу, говаривал: "Из этого кабылоха при деловом хозяине вышел бы классический вор". И было это одно открытие. Как-то, залобова- вавшись крутым мном Топом, лбом собачьего мыслителя, я подумал: среди крутых Топов такой такой лоб бытовал... Опустившись перед Топом на колени, я раздвинул пальцы на лице. Топчо - переполка! Значит, в тебе, зайва, еще и кровь мотучих и верных вью- фандлендов, несравненных пловцов и водолазов. По не- котрым данным выкиньте за- везли их в Европу из Америки еще за пштыс лет до Колумба. Мне показалось, что Топ глядит на меня с некото- рым высокомерием. Знал, мол, нашлось. Я еще сильнее "зауважал" Топа.

Как это обидно, что собачий вех значительно короче человеческого...

В память о Топе остался фотографич. Он держит в зубах яйцо, неснесенное неравильной курицей в неспокойном месте.

Когда я покидал поселок, по улочкам носилось множество Топов.

* Псевдоним И. Ма- черета.

ТОП-СОБИРАТЕЛЬ И. Очерет*

Рассказ

нать со стола олеваю, времен- но исполнявшее роль карто- ти, и бросился ко мне, вляя хвостом. - Топасеши?! Хвост заработал совсем неустово. - Так будешь Топом! - изрек я как приговор и сушил голову под прищуром. - Топ? - спросили ребята. Утопленник? - Нет, э... топограф... А про топограф ты один не слышал? А про камень топаш? Собак тут почти никто не держал на привязи, разве что за какую-нибудь прогулку, да и то неадого. К концу занятой десятки четвероногого дожидался своих хозяев у школы. Рослые заглядывали в окна. Называли прохладнее просить оставить каргодуры. Собаки стаями носились по улицам, собирались на свои шумные митинги. Но людям не досаждали. Однако добродушный Топ встретил на улице, принимался меня охранять, ворча на всех встречных. Приходилось объяснять ему, что я и сам могу за себя постоять. Выпал снег. В одно из воскресных я отправился прогуляться в тайгу на лыжах. Топ трусил следом, увлекая в снегу, визгом просил не спешить. На поляне, где снег был покрыт настом, он внезапно исчез. Только что был рядом - и нет его. А визг откудато глухо доносится. Я растерянно осматривался. Внезапно клубок снега у самых лыж полонула, как яич- ная скорлупа, и проклюнулся черный нос, укоризненно